

DOI: 10.17976/jpps/2017.03.02

ПОЛИТИКА “МЕЙНСТРИМА” И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ МИРЕ: НА ПУТИ ОТ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА К “НЕВОЗМОЖНОЙ ПОЛИТИКЕ”?

В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров

СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович, доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: laris-pulena@rambler.ru; **КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич**, доктор политических наук, директор Аналитического центра ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: andrka@mail.ru; **ПЕТРОВ Кирилл Евгеньевич**, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: orkir@mail.ru

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике?” – Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 8-29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Статья поступила в редакцию: 19.01.2017. Принята к печати: 27.02.2017

Аннотация. В статье обсуждается становление и кризис “мейнстрима” как политики управления национальным государством, сформировавшейся на основе симбиоза правых и левых идеологических подходов. Это явление возникло в развитых демократических странах в период 1990-х – начала 2000-х годов и было обусловлено крахом советской системы, ускорением глобализации и связанным с этим экономическим ростом, усилением влияния среднего класса и господством экономического детерминизма. Политика “мейнстрима” стала результатом консенсуса формально противостоящих друг другу правоцентристского и левоцентристского крыла политической системы, определившего общие контуры управленческой и экспертной практики. Углубляющийся кризис этой политики к середине 2010-х годов определялся отрывом как “правого”, так и “левого” крыла сил “мейнстрима” от соответствующих традиционных электоральных групп, а также неспособностью ядра “мейнстрима” справиться с вызовами со стороны альтернативных партий и политических движений, получающих все больший процент голосов на демократических выборах в условиях кризиса “среднего класса”. Победа на президентских выборах в США Д. Трампа, *Brexit* в Великобритании, электоральные успехи движения “Пяти звезд” и поражение на конституционном референдуме левоцентристского правительства М. Ренци в Италии, а еще ранее – мобилизационные успехи радикальных движений “Оккупай Уолл-стрит” и “Движения чаепития” в США и т.п. провоцируют дальнейшее разрушение этого ядра. Рост числа сторонников альтернативных движений показывает, что традиционным партиям западных обществ все сложнее выработать стратегии защиты и борьбы с новыми политическими движениями. Опора альтернативной политики – “популизм”, предполагающий обращение напрямую к гражданам без использования укоренившихся в “мейнстриме” фильтров в виде партийного руководства, устранение ограничений политкорректности, и, в конечном итоге, выход за пределы сложившегося консенсуса. В настоящий момент альтернативные движения нашли только форму, позволяющую серьезно расшатать систему “мейнстрима”, но не содержание, способное заменить его установки и управленческие практики. Однако и простое возвращение к периоду устойчивых и конкурентных партийно-политических систем, существовавших до становления “мейнстрима”, также невозможно. Углубляющийся политический кризис будет вызывать

к жизни новые формы альтернативной политики разной степени успешности. В качестве выводов исследования представлены соображения о влиянии взлета альтернативных движений на современный политический процесс.

Ключевые слова: национальное государство; ультраправые; ультралевые; политические партии; демократия; демократические системы; популизм; глобализация; партийные системы; критика идеологии.

Идея данной статьи сложилась из многочисленных дискуссий о природе новых политических движений и партий, в ходе которых выяснилось, что широко употребляемые концепты политической науки и даже традиционные методы позиционирования политических партий по классической оси “правые — левые” не дают никакого приращения знания, а лишь затуманивают контуры новой политической реальности. Мы благодарны всем коллегам, кто принимал участие в данных обсуждениях, но, разумеется, излагаем лишь собственный взгляд.

“МЕЙНСТРИМ” И “АЛЬТЕРНАТИВА”:

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ

Главные политические события западного мира в 2016 г.: победа сторонников выхода Великобритании из ЕС, поражение фаворита президентской гонки в США номинанта демократической партии Хиллари Клинтон, а также поражение премьер-министра Италии Маттео Ренци на конституционном референдуме, — продемонстрировали очевидный кризис традиционной партийной политики, связанной с ней системы ценностно-идеологических установок, а также обслуживавшего ее аппарата политической и социологической экспертизы.

“Конец истории” [Фукуяма 1989] в виде победы неолиберального экономического и политического консенсуса (упрощая: в экономике — примат свободного распределения ресурсов на рынках над их распределением в результате деятельности иерархических структур типа национальных государств; в политике — примат прав отдельного человека или малых групп над интересами государств или обществ) внутри взаимосвязанного мира единообразно устроенных национальных экономик так и не наступил. Напротив, вслед за ударом мирового финансового кризиса 2008 г.¹ или, используя термин нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, с началом “Великой Рецессии” [Stiglitz 2010], мы наблюдаем кризис ядра “мейнстримной” политики.

Последнюю можно описать как формально технократический, а по сути весьма “нагруженный” зачастую плохо отрефлексированными политическими предпочтениями “центристский” подход к управлению национальным государством в эпоху глобализации. В силу сраживания “правого” и “левого” взглядов на политические и экономические события в крупнейших партиях западных государств этот подход позиционировался как безальтернативный. В дальнейшем изложении он характеризуется нами как “мейнстрим”. По этой причине все попытки бросить ему вызов со стороны альтернативных сил в настоящее время выглядят как попытки реализации “невозможной политики”. Известный британский политолог Ричард Саква описывает такую политику как “политику трансценденции” [Sakwa 2015].

Тем не менее появляется и исчезает большое число новых политических акторов, политических партий и движений, относительно плохо укладываемых в традиционный партийно-политический спектр и тем самым бросающих вызов существующему в западных демократиях положению вещей [Сергеев 2013].

¹ Или даже ранее, начиная с “кризиса доткомов”, обрушившего акции американских IT-компаний в начале 2000-х годов.

В 2017 г. западноевропейские политические системы сталкиваются сразу с несколькими вызовами такого рода. 15 марта 2017 г. прошли парламентские выборы в Нидерландах. Одним из главных соперников правящей коалиции стала “Партия свободы” во главе с ее лидером Гертом Вилдерсом, получившая популярность благодаря резкой антиисламской риторике и жесткой позиции по отношению к действиям брюссельской бюрократии. По итогам голосования “Партия свободы” заняла второе место, улучшила свой прошлый результат на 3% и провела в парламент 20 депутатов. В апреле 2017 г. Франция выбирает президента² и, согласно многочисленным социологическим прогнозам, во второй тур выходит лидер обновленной оппозиционной партии “Национальный фронт” Марин Ле Пен, давшая обещание, что в случае победы она немедленно объявит референдум о выходе страны из Евросоюза. В сентябре 2017 г. выборы депутатов федерального парламента пройдут в Германии. Правящий Христианско-демократический союз столкнется с жесткой конкуренцией со стороны новой партии с характерным названием “Альтернатива для Германии” (*AfD*), в центре повестки которой – отказ от евро, резкое ужесточение миграционной политики, ограничение полномочий органов ЕС.

В рамках данной статьи мы постараемся подробно объяснить, что следует понимать под политическим “мейнстримом” и наметим пути описания противоборствующего ему политического феномена, который мы называем “альтернативными” движениями, выступающими за проведение “невозможной” (с точки зрения “мейнстрима”) политики. В чем-то эта альтернативная политика следует одному из лозунгов мая 1968 г. во Франции “Будьте реалистами – требуйте невозможного”.

С точки зрения существующей на данный момент политической науки, “альтернативные” политические движения *трудно атрибутируемы и классифицируемы*. Обычно представители “альтернативной политики” не соглашаются с внешними описаниями, созданными учеными и экспертами-технократами, часто представляющими “мейнстрим”. Причисление их к правым [Zaslave 2011; Art 2008; Casadio 2014; Flamini 2013; Hockenos 1995; Conti 2011; Tóth, Grajczjár 2015; Löwy, Francis 2015] или левым [Ovenden 2015; Karitzis 2016] политическим течениям, сведение их к традиционному политическому спектру – результат скорее внешней классификации, в том числе со стороны их оппонентов из “мейнстрима”.

Тем не менее традиционным партиям и, говоря шире, истеблишменту западных обществ приходится не просто считаться с новыми движениями, но вырабатывать стратегии защиты и борьбы с ними. Менять если не политический курс, то риторику во избежание поражения на всеобщих выборах.

Эта проблема – трудная атрибутируемость “альтернативной политики” и, по сути, слабая ее изученность (собственно, обычно изучение сводится к описанию представителей “альтернативы” как ультраправых или ультралевых) – является одной из ключевых методологических проблем, стоявших перед авторами данной статьи. Вторая, тесно связанная с ней проблема, заключается в том, что нет и серьезных, общепринятых политологических исследований того, чему “альтернатива” противопоставит, т.е. исследований политического “мейнстрима”. Соответственно, попутно с исследованием “альтернативы” приходится решать дополнительную задачу детальной политологической рефлексии сложившейся в рамках развитых западных обществ системы власти.

² В момент сдачи номера в печать исход голосования во втором туре выборов еще не предрешен (прим. ред.).

В рамках традиционной, неогегельянской и марксистской [Маркс, Энгельс 1955] критики идеологии объяснить отсутствие серьезной рефлексии “мейнстрима” в современной политологической литературе можно достаточно легко: любая власть заинтересована в том, чтобы представить себя как факт естественный, принципиально непроблематизируемый в терминах политологической рефлексии. Современный “мейнстрим” как система власти, установившаяся в наиболее развитых странах мира, стремится сделать то же самое. Для этого он позиционирует себя как чисто технократическую, а во многом и просто безальтернативную модель управления развитыми постиндустриальными обществами³.

В условиях современности⁴ роль экспертного знания в реализации любых транзакций, в том числе властных, резко возросла. Влияние рынка экспертизы на политико-управленческие процессы стало необратимым. По сути, любое политическое или управленческое действие в современном мире является сложной операцией со структурами знания. Во всех сферах жизни общества ключевую роль играют эксперты-технократы, осуществляющие управленческие действия не столько в соответствии с политическими установками, сколько на основе комплексов профессионального научно-экспертного знания определенного типа.

Поскольку власть “мейнстрима” позиционирует себя как технократическая и “естественная”, в целях нашего критического исследования неизбежно использование теории и методологии современных форм критики идеологии, выросших из упомянутых выше неогегельянских и марксистских источников, а также постструктуралистских концепций “археологии знания” и “генеалогии власти” Мишеля Фуко [Фуко 1997; 1999].

“Мейнстрим” в условиях современности может быть представлен как устойчивая и самовоспроизводящаяся модель взаимодействия экспертного знания и политико-административных практик, имеющая материально-практическое, научно-когнитивное и ценностно-идеологическое измерения. Последнее неразрывно связано со слабо отрефлексированными онтологическими предпосылками [Сергеев, Цымбурский 1989], например, с представлением об экономической эффективности и справедливости глобализма. Работа по описанию этих предпосылок похожа на раскрытие структур политического мифа, описанного Роланом Бартом [Барт 1996].

В качестве предварительного определения скажем, что сущностью политической и экономической модели “мейнстрима” является “глобализм” и ориентация на продолжение глобализации. Возможно, этот факт даст ключи к пониманию “альтернативных моделей”. Как представляется, возврат к примату национальной экономики над глобалистским видением [Паршин 2015] составляет один из основных экономических аспектов “альтернативного взгляда”, что хорошо видно на примере президентской кампании Д. Трампа 2016 г. [Минченко и др. 2016]. Правда, остается открытым вопрос о том, насколько реально возможен такой возврат.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ “МЕЙНСТРИМА” И ЕГО СУТЬ

“Мейнстрим” как постоянно воспроизводящаяся система управления национальным государством (*nation-state*) в условиях глобализации сформировал-

³ О концепции постиндустриального общества см.: [Bell 1973; Toffler 1981].

⁴ О принципиальном отличии современности от традиционных форм социального порядка (в том числе с точки зрения роли в ней экспертного знания) см.: [Гидденс 2011].

ся в западном мире в начале 1990-х годов. На практике он был выражен в стирании противоречий между борющимися за власть традиционными правоцентристскими и левоцентристскими партиями и сопровождался усилением влияния представителей среднего класса. Рост среднего класса – ключевой элемент устойчивости демократических систем национальных государств [Fukuyama 2012].

Биполярное противостояние правой и левой геополитики в период после Второй мировой войны составляло суть политического процесса на Западе и хорошо описывалось в рамках классической концепции Дюверже [Дюверже 2000]. Однако после 1990-х годов противостояние по линии *правые – левые* стало слабеть. Яркий пример – появление во французском языке аббревиатуры *UMPS* (термин, утвердившийся в отношении сразу двух противостоящих друг другу ключевых партий Франции, правоцентристов *UMP* и социалистов *PS*, и обозначающий их тождественную природу, несмотря на шумные электоральные баталии формально по-прежнему “правых” и “левых”).

В 1990-е годы в западном мире произошло парадоксальное соединение традиционной повестки правоцентризма (роль свободных рынков и рыночных практик) и левоцентризма (высокая роль правительств в распределении экономических благ с целью минимизации неравенства между социальными слоями, расово-этническими и половозрастными группами, а также с целью защиты культурных, социальных и сексуальных меньшинств).

Становлению “мейнстрима” способствовали специфические обстоятельства эволюции системы мировой политики после распада СССР, окончания холодной войны и исчезновения вызова со стороны коммунизма как альтернативы сложившихся *de facto* на Западе политики и управления. Исчезновение глобальной альтернативы этой политике в виде коммунистической идеологии способствовало соединению на уровне западных национальных государств “мейнстримного” экспертного знания и политических практик. Для правых важен был сам факт победы капиталистического уклада, для левых – неожиданный и болезненный обвал социально-политических систем стран социалистического лагеря.

Фундаментом для последующего формирования в западных обществах “системы мейнстрима” стал получивший господство значительно раньше, еще в XIX в., эконоцентризм политического процесса (т.е. представление о том, что определяющие факторы эффективности управления политическими процессами, и в частности, конфликтами, находятся в сфере экономики). Видимо, это стало неизбежным результатом становления обществ модерна, в частности, десакрализации политики [Вебер 2006]. Интересно, что левые (в лице марксистов и неомарксистов) признавали эконоцентричные постулаты даже больше, чем правые.

Это явление начало распространяться с периода Великой депрессии 1930-х годов, с введением обоснованной Кейнсом модели экономики “всеобщего благосостояния”. И хотя сейчас монетаристы рассматриваются как антагонисты классического кейнсианства, их несомненно объединяет целый ряд общих моментов, например, принятие ряда теоретических и практических решений, лежащих в основе экономики “всеобщего благосостояния”, включая прагматический эконоцентризм. Как пишет Т. Митчелл, “формирование западной демократической политики начиная с 1930-х годов осуществлялось, в том числе, и благодаря применению новых видов экономической экспертизы, то есть благодаря развитию и практическому приложению кейнсианского экономического знания; его распространению на различные области политики

и дискуссий. Экономике предстояло стать центральным предметом демократической политики на Западе — этот процесс проходил параллельно возникновению [концепта] ‘развития’ за пределами Запада. Экономика стала объектом, управление которым является центральной задачей правительства, требующей применения специализированных знаний” [Митчелл 2014: 199-200].

В бюджетном послании 1944 г. Ф. Рузвельт впервые ввел идею расчета валового внутреннего продукта [Белл 1999: 449-450]. С тех пор задача обеспечивать рост ВВП (ВВП) стала ключевой задачей любого, левого или правого, правительства. Более того, кейнсианская экономика не только подчинила внутреннюю политику (например, через механизмы распространения банковского кредита практически на все работоспособное население⁵), но и стала новым способом организации геополитического пространства постколониального мира. Отдельные национальные государства по умолчанию сформировали границы отдельных экономик, отношения между которыми создали новую реальность для экспертизы и статистического анализа.

Новый порядок вручил Всемирному Банку и МВФ надзор и контроль за их надлежащим функционированием. Материальный мир правительств, корпораций, потребителей и потребительских товаров выстраивался, формировался и управлялся при помощи экономической экспертизы [Митчелл 2014: 220-221]. В сфере науки этому же процессу способствовал так наз. экономический империализм, т.е. перенос методов экономической науки во все другие сферы социально-гуманитарного знания. Экономический кризис 1970-х годов привел к разочарованию большинства экономистов в классическом кейнсианстве. Постепенно доминирующими стали взгляды Милтона Фридмана, проповедовавшего “ультрамонетаризм”, на основе воззрений которого в начале 1990-х годов сложился тип макроэкономической политики в отношении “развивающихся” стран, названный Вашингтонским консенсусом [Krugman 2009; Stiglitz, Greenwald 2003; Rogoff 2003].

Уже к концу 1990-х годов управленческие практики обновленного монетаризма стали безальтернативными и в самих западных странах. Вне зависимости от результатов выборов курс западного национального государства в условиях глобализации оставался неизменным. Он определялся соображениями экономического прагматизма, выработавшимися широкими элитными слоями и рационализировавшимися экспертами-экономистами на основе принципов Вашингтонского консенсуса.

Несмотря на уничтожение альтернативы в лице коммунизма, правоцентристы и их союзники совершенно не собирались полностью возвращаться в эпоху нерегулируемого капитализма XIX в. Тем не менее в новых условиях не только правоцентристские и консервативные партии, но и обновившиеся социалисты (например, лейбористы в Великобритании) и либералы (например, Демократическая партия в США) практиковали внедрение свободных рынков везде, где только возможно.

Необходимость поддержания экономического роста, понимаемого как рост ВВП, рыночными мерами не оспаривалась ни одной из ведущих полити-

⁵ Так, в 1980 г. кредиты, выданные частным лицам в США, составляли \$962 млрд, или 34,5% ВВП. Сейчас объем закредитованности американских потребителей (включая ипотечные кредиты и займы на образование) составляет \$15,1 трлн, или 84,2% ВВП. Подробнее см.: Иноземцев В. 2016. Другая Америка: почему Трамп не сможет повторить успех рейганомии. — РБК. 28.11. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/28/11/2016/583be27a9a7947a3409bc8c1> (accessed 10.01.2017).

ческих сил. В американской политической системе основными компонентами формирования управленческого консенсуса стали консерватизм (при этом последний претерпел изменения и стал преимущественно экономоцентричным) и либерализм; в рамках европейской политической системы – консерватизм и социализм⁶. Яркими представителями этой новой политической конфигурации были президент США Б. Клинтон и премьер-министр Великобритании Т. Блэр (последнему ради этого пришлось совершить революцию в лейбористской партии, стоявшей ранее на социалистических позициях).

В новых условиях ключевой задачей политического класса западных национальных государств стало проведение социальной политики, избегающей каких-либо экстремумов, способных породить обвинения в “социал-дарвинизме”, приверженности принципам евгеники или расизма. Очевидно, что широкое блокирование правоцентристов с левоцентристами и даже социалистами, а также передача им части социально-культурных управленческих функций помогли эффективно решать эту задачу. Более того, правые в 1990-е годы делали серьезные электоральные успехи, расширяя свою поддержку среди среднего класса. В конечном итоге новая социальная политика – мультикультурализм и ее дискурсивное оформление в виде принципов толерантности – стала неотъемлемой частью “мейнстрима”, своеобразным взносом левоцентристов и социалистов в уставной капитал “новой управляющей компании”.

В свою очередь, левоцентристские партии, хотя они и продолжали выступать за сохранение перераспределительных и регулирующих функций центрального правительства в целях социальной справедливости, избегали принципиального уменьшения роли рынков и внедрения “социализма” взамен логики рынка свободных экономических агентов. Уступка левых была очевидна. Впрочем, уменьшение роли государства в перераспределении экономических благ в результате внедрения рыночных подходов на практике не приводило к полному уничтожению государства “всеобщего благосостояния”. Более того, внутри государства “всеобщего благосостояния” существуют и отдельные элементы “социализма”. Тем не менее в тех же США, начиная с 1980-х годов и по настоящее время, социальное неравенство объективно росло. Как отмечает, основываясь на официальной американской статистике, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, в 1980-2010-е годы средний доход семьи стагнировал, вырастая в год в среднем только на 0,36%. А скорректированный с учетом инфляции средний доход мужчины в 2001 г. равнялся \$32 986, тогда как в 1968 г. он составлял \$33 880 [Стиглиц 2015: 374].

Мы еще вернемся к росту неравенства как одному из важных факторов кризиса и дезорганизации политики “мейнстрима”, но пока обратимся к не-экономическим аспектам его формирования. Правые и левые центристы на Западе “состыковались” в плане общего принятия ценности свободы как ключевой. Это произошло еще до становления политики “мейнстрима”, в период холодной войны. Собственно, уже в этот период Запад предпочитал говорить о себе не как о “капиталистическом мире” (оставляя этот термин советской пропаганде). Он описывал себя как свободный, демократический мир, противостоящий коммунистическим, “тоталитарным” государствам. Ключевой водораздел между системой коммунизма и западным миром строился вокруг

⁶ Степень государственной поддержки лицам, не имеющим других источников дохода, в Европе (“welfare”) была в среднем выше, чем в США, но в целом это не критически важное различие.

ценностей личной свободы и демократии. Их принципиальное признание как ключевых ценностей было тем пунктом, по которому социал-демократы (и ревизионистские группы вроде еврокоммунистов) разошлись с советскими и просоветскими коммунистами.

Общее принятие ценности свободы и правыми, и левыми в западном мире не отрицало в период холодной войны возможности дискуссий. Правые считали, что левые, формально признавая личную свободу и демократию в политике, подрывают их экономические основы, пытаясь установить государственный контроль за экономикой [Хайек 2010]. Левые же утверждали, что реализация подлинной человеческой свободы для непривилегированных слоев на практике невозможна без государственного перераспределения. То же самое относится и к демократии, для которой необходим определенный уровень равенства. Кроме того, в рамках экзистенциальной философии и вообще гуманитарных наук распространение получил восходящий к раннему марксизму тезис о том, что капитализм и свободные рынки приводят к угнетению личности, формированию “одномерного человека” [Маркузе 1994] и т.п.

В известной мере в период холодной войны различия между правыми и левыми центристами в западном мире сводились к идеям противопоставления свободы рынков, которая мыслилась как условие экономической эффективности, демократии и личной свободы (у правых), и перераспределения при сохранении каких-то элементов рынка (у левых). Последнее мыслилось левыми как условие экономической эффективности, демократии и личной свободы. Иными словами, обе стороны в той или иной степени принимали как ценности свободного рынка, так и ценности личной свободы, воплощенные в демократии. Однако они различались в интерпретации этих ценностей, их оптимального соотношения и иерархии. Для правых важнее были рынки, для левых — демократия и личная свобода.

Важность этого дискурсивного разрыва между правыми и левыми в период холодной войны была очевидна на примере центристов (европейских либералов). К ним можно отнести, например, английскую либеральную партию и немецкую СВДП. Обе партии оказались внутренне разорваны между экономическим вариантом либерализма (предпочтение свободе рынков) и социальным вариантом либерализма (предпочтение государственному перераспределению в пользу поддержания демократии и личной свободы). В России уже в 1990-е годы этот разрыв проявился в конфликте “Выбора России – СПС” (экономические либералы) и “Яблока” (социальные либералы), который и был одной из причин заката появившегося очень поздно российского либерализма.

На Западе описанная выше конфигурация политической системы времен холодной войны была уничтожена, когда после краха советской экономики идея экономической неэффективности государственного перераспределения стала общепринятой. При этом существенная роль государства в экономике многим стала казаться подозрительной и в плане сохранения свобод: это наглядно демонстрировал не только советский опыт, но и опыт ряда других коммунистических государств, в частности, Камбоджи, Китая, Кубы, стран Восточной Европы.

В результате политической реконфигурации по окончании холодной войны правоцентристы стали носителями ценности экономической эффективности, т.е. адаптации общества к материальному миру [Парсонс 1998]. Левоцентристы остались носителями ценности социальной справедливости,

расположенной в более сложных и более высоких сферах интеграции общества (социальная сфера) и воспроизведения его культурных образцов [там же].

Принципиальное отличие от времен холодной войны заключалось в следующем: дискуссии между правыми и левыми шли о том, какая политика экономически эффективнее: *распределение ресурсов на свободном рынке* (в границах, не допускающих сползания к полной нерегулируемости, как было накануне Великой депрессии 1930-х годов) или *плановое распределение ресурсов государством* (также в границах, не допускающих всеобщего огосударствления как в СССР). Теперь, в рамках “мейнстрима”, все соглашались, что экономически эффективнее свободные рынки, хотя и в определенной степени регулируемые.

При этом правые, победив в сфере экономики, на ней же и сконцентрировались. В результате консервативный дискурс продолжал ранее намеченный сдвиг в область экономоцентризма. Левые же, сделав уступку в сфере экономики, т.е. в сфере адаптации человека к природной среде, отошли в сферу культурно-социальную. Суть новой логики левоцентризма теперь сводилась к тому, что надо делать уступки свободным рынкам для того, чтобы экономика функционировала эффективнее, а полученные средства — направлять на поддержку социальной справедливости и равенства. При этом старые элементы левого политического дискурса, состоящие в том, что равенство даст возможность реализовать личную свободу и сохранить демократию, продолжали действовать.

До определенных пределов против всего этого не возражали и правоцентристы. Таким образом, разногласия перестали носить принципиальный характер, а стали касаться деталей: чуть больше или чуть меньше средств перераспределилось в пользу соблюдения социальной справедливости, чуть больше или чуть меньше регулировались рынки. При этом обе спорящие стороны оказались приверженцами глобализации (что, до известного предела, давало возможность расширять рынки).

Экономической основой социальной поддержки “мейнстрима” стало доминирование среднего класса, постепенное исчезновение рабочего класса (“синих воротничков”) в эпоху постиндустриализма, не в последнюю очередь связанное с переносом производств в развивающиеся страны (т.е. с глобализацией). От роста экономики в 1990-е годы в странах Запада, как казалось, выигрывали не только очень богатые, но и широкие слои среднего класса.

Однако постепенно лояльность среднего класса “мейнстриму” размывалась. В результате внедрения рыночной идеологии в максимально возможное число сфер жизни западных обществ неравенство возрастало. Основываясь на данных Всемирного Банка, Дж. Стиглиц утверждает, что “несмотря на увеличение ВВП на душу населения на 75% в период с 1980 по 2010 гг., доходы большей части работающих граждан США продолжают снижаться... И дело не в том, что механизмы экономической системы США не работают продуктивно. Проблема состоит в том, что эти механизмы работают на обогащение богатых, даже если для этого нужно отобрать еще больше у бедных” [Стиглиц 2015: 84]. Потери, понесенные средним классом в ходе мирового финансового кризиса, не были восполнены в 2010-е годы. Уменьшение или стагнация доходов среднего класса стали долгосрочной тенденцией. *В результате постепенно усиливался отрыв левого и леволиберального партийного истеблишмента от своих избирателей.*

Одновременно происходил отрыв и старых правых, и консервативных партий от своих избирателей. Там процесс был куда более сложным, и связан он был,

в том числе, с внедрением элементов “политической корректности”, которую по ряду причин, начиная с 1990-х годов, стали во все большей мере соблюдать представители руководства правых и консервативных “мейнстримных” партий, что отнюдь не всегда нравилось их традиционному электорату. Еще большее неприятие ряда консервативных избирателей вызывала практика “обратной дискриминации” (*reversed discrimination*). В условиях описанных выше сложностей среднего класса данная практика создавала определенные привилегии для ранее угнетенных слоев, в частности, женщин, представителей национальных, сексуальных и иных меньшинств.

Процесс внедрения “политической корректности” и “обратной дискриминации” был связан, среди прочего, с демографическими и миграционными изменениями в западных обществах. По мере глобализации наблюдался рост числа мигрантов, носителей других культур. В сочетании с различиями в показателях рождаемости у разных расовых и культурных групп миграция приводила к увеличению удельного веса представителей небелых расовых групп. Во многом с подачи леволиберальных и левых кругов ценности демократии и равенства, начиная с 1990-х годов, стали толковаться намного более расширительно, чем прежде, в период холодной войны.

Резко усилилась роль “позитивной дискриминации” в реализации социальных программ, а элементы мультикультуральных обществ стали размывать традиционную западную культуру. “Мейнстримные” правые силы, доминируя в сфере экономического дискурса, социокультурную сферу полностью уступили левым, согласившись с правилами “политкорректности”, защищавшими соответствующие леволиберальные интерпретации свободы и равенства.

Таким образом, к середине 2010-х годов оба основных крыла “мейнстримных” сил пришли, по различным причинам, к разрыву с существенными группами своих традиционных избирателей.

17

(ВОЗ)РОЖДЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ И ПРИЗЫВ К ПРОВЕДЕНИЮ “НЕВОЗМОЖНОЙ ПОЛИТИКИ”

К настоящему времени в политическом ядре “мейнстрима” наметились серьезные расколы. Политические партии, претендовавшие на доминирование в рамках сообществ, разделявших ценности “мейнстрима”, продолжают терять как своих членов (прямое участие), так и электоральную поддержку (косвенное участие). Так, согласно данным специализированных опросов, которые регулярно проводит служба *Gallup*, уровень доверия граждан США к ключевым политическим институтам остается рекордно низким. В июне 2016 г. появились данные⁷, согласно которым только 9% американцев доверяют Конгрессу. Доверие институту президентства США в 2016 г. составило 36%.

Одновременно наблюдается и определенный кризис в сфере связи политики и научно-экспертной деятельности. Скандальным его проявлением стала победа на президентских выборах в США Д. Трампа, отрицавшего стандартные рецепты решения проблем в сфере экономики (усиление глобального разделения труда), в сфере экологии (борьба с глобальным потеплением) и в социально-культурной сфере (“соблюдение политической корректности”).

Парадоксально, но, являясь прямым следствием развития рациональной науки и экспертизы, “мейнстрим” постепенно превратился из совокупности научных под-

⁷ См.: *Gallup. Confidence in Institutions*. 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions.aspx> (accessed 10.01.2017).

ходов к решению проблем и вопросов в совокупность однозначных непроблематизируемых ответов. Он стал принципиально нефальсифицируемым безальтернативным взглядом на политическую, социальную и экономическую реальность западных стран, что противоречит базовой установке науки на “фальсификацию” [Поппер 1992]. Наука — проект, принципиально открытый дискуссиям, альтернативным мнениям, “научным революциям”, опровергающим устоявшиеся точки зрения. И даже то, что считается экспериментально обоснованными фактами в точных науках, может принять совершенно иной смысл в рамках других научных парадигм [Кун 2003]. Тем более это относится к социальным наукам, где экспериментальное подтверждение фактов в большинстве случаев крайне затруднено.

Наука и ее открытость новой, опровергающей ее постулаты информации, — это архетип функционирования “открытого общества” [Поппер 1992]. Парадокс же заключается в том, что после образования “мейнстрима” в ряде дисциплин (прежде всего в экономике) научный проект (как процесс исследования) попытались “закрыть”, а ключевые связанные с этим управленческие проблемы объявили решенными. Возникшие в конкретных обстоятельствах и в конкретном контексте подходы и рецепты решения проблем “мейнстрим”, по сути, попытка объявить окончательными, идеальными характеристиками “открытого общества” [Сорос 1999].

Возможно, именно эта претензия на “объективную безальтернативность” была одной из причин, породившей усталость многих граждан стран Запада от “мейнстрима”. В частности, многие американцы из глубинки считают, что даже сама манера общения связанных с Вашингтоном экспертов оскорбительно высокомерна по отношению к простым людям и их проблемам.

В силу ограниченности объема статьи всеобъемлющий анализ причин кризиса “мейнстрима” [Наим 2016] не является целью настоящей работы. Некоторые важные моменты были обозначены выше, к их числу относятся глобальные кризисные явления в сфере экономики и отрыв “мейнстримных” партий от своей социальной базы.

Как пишет Стиглиц, сам во многом разделявший лозунг “альтернативного” движения “*Occupy Wall-Street*” относительно уважения к правам 99% граждан, политическая система в США работает, преимущественно, на увеличение неравенства в доходах и сокращение равенства возможностей. “Политические деятели США передают небывалую долю власти в руки верхушки (1% населения, обладающий наибольшим доходом). Верхушка использует эту власть не только для несправедливого распределения, но и для создания таких правил игры на рынке, которые действовали бы исключительно в ее пользу, а также для создания инструментов отъема у остального общества так наз. *излишков*” [Стиглиц 2015: 91].

Экономисты обозначают подобное рентоориентированным поведением. Любопытно, что, по мнению ряда проинтервьюированных нами экспертов (которые, что характерно, не захотели быть публично названными), в США в рамках “мейнстрима” возникли механизмы “сговора” финансовой олигархии, заинтересованной в свободе рынков, с леволиберальными группами, защищавшими права меньшинств. По их мнению, именно это предопределило восприятие образа кандидата от Демократической партии Х. Клинтон в американской “глубинке”. Похожая ситуация складывается и в ряде европейских стран, где альтернативные движения выступают против ЕС, политика руководства которого воспринимается “евроскептиками” как “сговор” крупного транснационального капитала и евробюрократии.

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ПАРТИЙ

Как результат отрыва правых и левых партий от своих традиционных избирателей, появились электоральные ниши, ранее казавшиеся полностью закрытыми массовыми партиями XX века. Почувствовав новые возможности, часть политической элиты, не нашедшая себя внутри прежних структур, приступила к созданию принципиально новых.

Партии и движения, которые вообще с трудом атрибутируемы в терминах традиционных политических платформ, появляются все чаще и приобретают все большую популярность. Как мы отмечали в начале текста, их условно зачастую причисляют к ультраправым или ультралевым. Однако среди альтернативных партий есть примеры, которые почти невозможно отнести к какому-либо варианту традиционной политической идеологии, движения, подчеркнуто работающие исключительно с постиндустриальной повесткой.

Классическим примером можно считать партии “зеленых”, выбравшие нишу проблем экологии. Еще один пример – “пиратские” партии Европы (особенно в Германии, Швеции, Исландии), которые созданы вокруг проблематики свободного использования интернета и компьютерных технологий. Неприятие ограничения личной свободы в угоду следованию традиционным религиозным ценностям вызвало к жизни движение Паликота в Польше (антиклерикальная партия, отколовшаяся от правых).

Еще один из моментов политики постиндустриальной, информационной и глобализационной эпохи – ее медийность. Этот момент стал определяющим для структурирования альтернативного и антиэлитного движения “Пять звезд” в Италии. Основа популярности нового движения – использование виртуально-медийных технологий, апробированных впервые правыми С. Берлускони, но использованными представителями “Пяти звезд” уже скорее в связи с левой идеологией. Феномен победы Д. Трампа на республиканских праймериз 2016 г. также возник на фундаменте его широкой (почти стопроцентной) медийной известности, в том числе связанной с участием в телевизионных реалити-шоу.

Чаще всего новые партии и движения атакуют “мейнстрим” с крайних позиций, существовавших внутри его “ядра” и раньше, однако одновременно они призывают к полному пересмотру проводимой политики. Такие призывы характеризуются представителями “мейнстрима” как “невозможная политика”. Например, в рамках мейнстримной экспертизы признается невозможным отказ от политики глобализации или замена всего существующего политического класса (вне зависимости от партийных и идеологических взглядов).

Успехи “альтернативщиков”, электоральные (Трамп, движение “Пять звезд”, движение Паликота) или мобилизационные (евроскептики в Великобритании, противники правительства Ренци в Италии, “Оккупей Уолл-стрит” и “Движение чаепития” (*Tea Party movement*) [Michael 2015] в США), провоцируют дальнейшее разрушение ядра “мейнстрима”. Возникает эффект домино: рост связанных с этим процессом конфликтов ведет к появлению новых разломов в политической системе, раздирающих изнутри традиционные партии и идеологические платформы. Заметим, что появившиеся трещины в ядре сложившихся партийных систем отсылают нас к процессу их формирования, который можно считать производным от сформировавшейся модели политической культуры [Алмонд, Верба 2014].

Англосаксонские системы демонстрируют склонность к деформированию ядра “мейнстрима” в виде разрыва союза между консерваторами и либералами. В европейских континентальных политических системах рушится союз между консерваторами и социалистами. Наиболее важным фактом текущего кризиса представляется невозможность восстановления устойчивой биполярной системы конкуренции правых и левых партий. *В результате усиливается напряженность между правыми и левыми, т.е. деградирует сама основа “мейнстрима” в виде их консенсуса.*

Причина успеха тактики “альтернативщиков” проста: радикализация политических дискуссий потенциально ведет к ускоренной ротации политического класса, тогда как самоцензура политиков и нахождение их внутри идеологии “мейнстрима” консервирует сложившийся баланс сил. Опора альтернативной политики — “популизм”, обращение напрямую к гражданам без использования укоренившихся в “мейнстриме” фильтров. Устранение ограничений политкорректности — лишь метод. Конечная цель — выход за пределы сложившегося консенсуса.

В результате возникла интересная ситуация — *раскол между “мейнстримом” и “альтернативой” (или “альтернативами”) оказывается зачастую даже больше, чем традиционный раскол между правыми, левыми и центром внутри “мейнстрима”.* При этом формально разные представители “альтернативы” могут находиться с точки зрения мейнстримных описаний на разных флангах: ультраправом или ультралевом.

Можно выделить два ключевых сценария противостояния “мейнстрима” и “альтернативы” в странах современного Запада, обусловленных как сложившейся политической культурой, так и, в не меньшей степени, институциональными особенностями процесса доступа во власть.

“Захват изнутри”. В англосаксонских странах, где традиционно слабы парт-аппарат и партдисциплина, а двухпартийная или “двухполовиной” партийная политическая система не дает оснований для успеха новых партий в рамках традиционной электоральной конфигурации⁸, новые движения пытаются поставить под контроль системные партии. “Движение чаепития” и Д. Трамп действовали так в отношении структур Республиканской партии, “Оккупай Уолл-стрит” и радикально-левые сторонники Б. Сандерса — в отношении структур Демократической партии. Похожим образом в Великобритании можно описать продвижение евро-скептиков к власти внутри Консервативной партии, приход радикально левого политика Джереми Корбина на пост главы лейбористов в ходе праймериз.

“Вызов снаружи”, отбирающий голоса у традиционных партий в ЕС. В континентальных европейских странах, где партийная дисциплина, как правило, является высокой, а пропорциональная избирательная система оставляет возможности для более широкого партийного спектра, новые партии и движения эффективно навязывают свою повестку традиционным партиям. В результате “мейнстримные” партии либо должны сдвигаться в более радикальную сторону (например, это видно по победе Фийона на праймериз республиканцев во Франции, уже упомянутому усилению евроскептиков в Консервативной партии Великобритании, а также по усилению консервативных настроений внутри ХДС и, особенно, ХСС в Германии), либо им придется уступить избирателя “альтернативным” партиям.

⁸ Поражение UKIP на всеобщих выборах 2015 г. в Великобритании, поражения кандидатов от третьих партий на выборах в США.

“Вызов снаружи” демонстрируют антиевропейские (*UKIP*, на первых этапах — “Альтернатива для Германии”, частично — Лига Севера в Италии, Национальный фронт во Франции и пр.) и антииммигрантские партии в Европе (поздние этапы развития “Альтернативы для Германии”, те же Лига Севера в Италии и Национальный фронт во Франции).

Для центристов и левоцентристов также растет вызов со стороны левых партий (“новые левые” в Южной Европе: греческая “Сириза”, испанский “Подemos”, левый блок в Португалии, “Die Linke” в Германии и т.п.). Необходимо сделать оговорку, что в ряде европейских стран в ходе национальных выборов (Франция, Великобритания) пропорциональная избирательная система не применяется, поэтому “Национальный Фронт” и *UKIP* наиболее эффективно выступают в ходе выборов в Европарламент, где система выборов пропорциональна. Тем не менее сама динамика их поддержки на выборах в Европарламент приводит к еще большему усилению давления на структуры “мейнстрима” на национальном уровне. Как это видно в случае Франции, по ряду вопросов таким образом еще больше размываются различия между “мейнстримными” социалистами и правыми (например, в плане совместного противостояния победе Марин Ле Пен на президентских выборах), при том что идеологический конфликт между правыми и левыми продолжает расти, а деформации и напряжения внутри политической системы усиливаются.

В чем сила новых партий и движений? Во-первых, нащупав описанные нами бреши в общественной поддержке партий “мейнстрима”, они используют отрыв этих партий от своих избирателей. Во-вторых, в свете привлекательности для широких кругов населения их противостояния с элитными группами, они имеют четкое и яркое позиционирование в СМИ и социальных сетях. В-третьих, на их стороне, как ни парадоксально, играет “всесокрушающая современность” [Гидденс 2011], которая продолжает вмешиваться в жизненные стили огромного числа людей, в результате чего размываются идентичности больших социальных групп, определявшие электоральный ресурс старых национальных партий. Однозначное определение статуса человека и его потребностей по доступным статистическим выкладкам становится невозможным, поскольку произошло “невероятное усложнение социальной структуры, создание множества дополнительных локальных иерархических лестниц, не контролируемых главными иерархиями, будь то номенклатура в СССР или крупный капитал в странах Запада” [Петров 2009].

Почти два десятилетия “мейнстриму” удавалось эффективно инкорпорировать новые запросы общества и создавать востребованный новыми социальными группами политический дискурс, но теперь даже такие инструменты управления электоральным процессом, как технологии *Big Data* на основе баз данных, охватывающих почти всех граждан, дают сбои и, более того, активно используются противниками “мейнстрима” (ср. избирательные технологии Д. Трампа, основанные в том числе на использовании *Big Data* [Минченко и др. 2016]).

В электоральном смысле альтернативные политические движения прокладывают новую колею в стороне от ставшего “мейнстримом” протоптанного пути. Хорошие политические перспективы альтернативных партий и движений стали достаточно очевидными для всех. Но возможно ли в принципе ехать по этой новой колее и что делать со старым, хорошо себя зарекомендовавшим в прежние годы технократическим контуром управления? Эта проблема во весь рост встает перед победившими представителями “альтернативы”.

В результате на левом ее фланге греческая “Сириза” пришла, по сути, к тем же неолиберальным методам управления экономикой, сославшись на то, что ее принудили к этому “империалисты”. Равным образом, победивший под “невозможными” лозунгами Д. Трамп сразу же после победы резко умерил свою риторику. Задача “Осушения Вашингтонского болота” отложена в долгий ящик. Правительство Великобритании во главе с Терезой Мей пытается реализовать самый “мягкий” вариант выхода страны из ЕС. Не является ли тогда “альтернатива” всего лишь набором привлекательных для избирателей слов, который не выдерживает конкуренцию устоявшимся практикам взаимодействия управленческого процесса и экспертного знания?

Альтернативные “мейнстриму” решения зачастую объявляются его представителями проявлением простой неграмотности, которая может иметь катастрофические последствия для жизни общества. Часто для этого есть серьезные основания. В настоящее время и практически, и теоретически любая попытка проведения альтернативной “мейнстриму” политики в условиях постиндустриального общества – это серьезный риск, социальный эксперимент.

Более того, примеры, когда вызов “мейнстриму” приводит к катастрофам, обширны на периферии западного мира, и они только укрепляют “мейнстрим”. Отрицание СПИДа в Южной Африке привело к угрожающему разрастанию эпидемии. Неприятие по политическим причинам технократических элементов идеологии свободного рынка, связанных с управлением экономикой, привело к экономическим катастрофам в ранее относительно благополучных Зимбабве и Венесуэле.

Однако теперь, в связи с электоральными успехами “альтернативщиков”, соответствующие феномены появляются и в западном мире. Неприятие доминирующей в климатологии теории глобального потепления со стороны представителей ряда западных элит, по мнению многих авторитетных климатологов, грозит глобальной экологической катастрофой. Этот момент стал тем более актуален, что избранный в США президент Д. Трамп отрицает глобальное потепление, планирует снять все национальные ограничения на добычу углеводородов в Америке. Кроме того, он неоднократно заявлял, что постарается выйти из Парижского соглашения по климату, заменившего устаревший Киотский протокол.

Не становится ли появление со стороны разного рода альтернативных научно-экспертных теорий политических вызовов устоявшимся экспертно-управленческим практикам, инкорпорированным в способы выживания человечества, просто опасным для выживания людей? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Поэтому попытки формулирования какой-то альтернативы “мейнстриму” на уровне практики (а не элитной науки) стали все активнее подавляться уже просто административными средствами, что, в определенном смысле, логично в свете “парадигмальной” модели функционирования науки [Кун 2003].

С этим можно связать феномен “политической корректности” в университетах и других научно-экспертных учреждениях, в частности, преследования тех представителей кафедр / департаментов, которые являются носителями модели, альтернативной общепринятой на данной кафедре. Примером может быть вытеснение с многих кафедр в западных университетах представителей неинституциональной экономики (при том, что это направление может похвастаться в последние годы большим числом Нобелевских премий). Причем сложность заключается в том, что кафедра может принадлежать и представителям альтернативной точки зрения, которые тогда уже предпринимают

усилия по преследованию представителей общераспространенной позиции. В частности, на многих гуманитарных факультетах в англосаксонских странах тональность задают представители радикально левых политических взглядов.

Описанный выше фактор сложности практической реализации альтернативных решений, как представляется, задает ограничительные рамки эффективности притязаний на власть со стороны новых партий и движений. Пока речь идет лишь о заполнении пустых электоральных ниш внутри западных политических систем [Pardos-Prado 2015]. Поэтому *представители “мейнстрима” не без оснований надеются, что, придя к власти, представители “альтернативы” примут старые “правила игры”*. Так, формально левые из греческой “Сиризы”, придя к власти, проводят элементы правой рыночной политики [Ezrow, Hellwig 2014].

За пределами западного мира есть достаточно много примеров, когда формально нелиберальные правительства проводят неолиберальную по содержанию экономическую политику, зачастую куда более жесткими мерами, чем это могли бы себе позволить либеральные западные правительства (Китай, Никарагуа). Можно предположить, что существенная часть “революционеров” на деле нацелена на инкорпорацию в истеблишмент под формально новыми лозунгами (хотя в этом нет ничего нового, это было традиционной проблемой социал-демократов еще с начала XX в.).

Альтернативные политические движения часто являются низовыми (*grass-roots*) движениями общественных сил. Однако одновременно — и это важно в плане инкорпорации в существующую систему, — они частично мимикрируют под них, являясь в той или иной степени “проектами” представителей истеблишмента. Есть много примеров этого (бизнес-интересы Трампа; связь “Движения чаепития” в США с бизнес-империей братьев Кох; связи лидера “Пяти звезд” в Италии Б. Грилло с интернет-бизнесом “в пику” Сильвио Берлускони, связанного с медиабизнесом, и т.п.).

Слабая отрефлексированность позиций альтернативных движений также не дает оснований считать усиление их электоральных позиций “революцией”. Обычно представители “альтернативной политики” не могут четко описать, в чем сущность предлагаемой альтернативы, какие тенденции развития современного мира делают необходимой эту альтернативу. С одной стороны, они отрицают “мейнстрим” и говорят о том, что хотя в политике чего-то принципиально нового. С другой стороны, и в своей критике традиционной политики, и в рекомендациях по ее исправлению, они часто все равно используют элементы традиционных правых или левых идеологий. *Это противоречие требует значительно более серьезного анализа самого феномена “альтернативной политики”, чем тот, что имеется в существующей в настоящее время политологической литературе.*

В качестве прогноза развития политической ситуации можно утверждать, что условные “новые правые” имеют больше шансов в системах со слабой партийной дисциплиной и отсутствием возможности строить “образ врага” через образ капиталиста / богатого человека (например, в США). “Новые левые” имеют перспективы в системах с высокой партийной дисциплиной и в условиях отсутствия ограничений на негативный образ капиталиста (например, страны Южной Европы).

Наиболее устойчивой оказывается партийно-политическая система Германии, которая сочетает в себе высокую партийную дисциплину, но при этом не склонна реагировать на негативный образ капиталиста. Во многом стабильность политической системы Германии обусловлена сознательным очищением политической системы от экстремизма на протяжении всего послевоенного периода [Bornschiefer 2010]. Однако в ходе выборов 2017 г.

и Германию ждет серьезное испытание на прочность, а случаи переходов из рядов правящей коалиции в новую партию “Альтернатива для Германии” говорят о расшатывании партийных структур.

ВЫВОДЫ. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

1. Новые политические движения предпочитают описывать сами себя как “альтернативу”. С точки зрения “мейнстрима” они являются не более чем очередными претендентами на власть, которые, что важно, как и раньше атакуют “мейнстрим” с крайне правого или крайне левого фланга. Слева — те, кто слишком сильно хочет ограничить свободные рынки. Справа — те, кто нарушает “политическую корректность”, в частности, антииммигрантские, этнонационалистические и специфические для стран ЕС — антиевропейские движения. Наиболее сложно атрибутируемыми в этой системе оказываются партии “одного вопроса” (*one issue*), связанные с постиндустриальной проблематикой, типа “пиратских партий” и “зеленых”.

2. Обычно новые политические движения описывают себя лишь через отрицание, как носителей новой, альтернативной модели политики и несут в себе сильный разрушительный заряд, направленный на традиционную политическую систему⁹, но при этом часто имеют довольно слабое и заимствованное у традиционных правых или левых содержание. Правые, как правило, апеллируют к идеальному прошлому национальных государств и их “традиционным” системам ценностей, левые — к идеальному будущему эгалитарного, космополитического, мультикультурного, глобализованного общества. Другой вариант — концентрация на какой-то важной, но частной проблеме постиндустриального общества (“зеленые” и “пираты”). В целом же для новых политических движений характерна слабая артикулированность и отрефлексированность.

3. Альтернативные политические движения частично являются низовыми (*grassroots*) движениями, частично мимикрируют под них, являясь в той или иной степени оружием истеблишмента.

4. В медийном плане альтернативные политические движения игнорируют традиционные методы партийной жизни, партийную дисциплину, характерные для партии или соответствующего политического фланга устоявшиеся мировоззренческие и поведенческие образцы. При этом в социальном плане лидеры новых движений чаще всего являются представителями истеблишмента, просто не считающимися возможным идентифицироваться с ним.

5. Альтернативные политические движения умело используют последствия постоянно нарастающей скорости изменений (в том числе социальных) внутри современности и такие его проявления, как рост неравенства. Они используют многочисленные “электоральные ниши”, возникшие в результате отчуждения традиционных партий от их избирателей. Они вовлекают в политику не только тех, кто устал от идейного доминирования “мейнстрима”, но и тех, кто чувствует себя неуверенно в социальном плане. В условиях размывания ценностей и жизненных стилей традиционных социальных групп альтернативные политические движения апеллируют к людям, которые оказались выключены из таких групп, а также к группам, чей статус и влияние снижаются под воздействием

⁹ “‘Их мир разваливается. А наш строится’, — написал в твиттере один из лидеров французского Национального фронта”. Цит. по: Лизза Бомасси. 2016. Европа: тревога и болезненный интерес. — Как мировые державы реагируют на победу Трампа. — Московский центр Карнеги. 18.11. URL: <http://carnegie.ru/2016/11/18/ru-pub-66174> (accessed 10.01.2017).

глобализации. Кроме того, они эффективно используют объективное падение доверия к правительству, государственным институтам и партиям и, в целом, возрастающий потенциал антиистеблишментных настроений.

6. Альтернативные политические движения используют новые медиа для прорыва к традиционным медиа, в ходе избирательной кампании тактически декларируют приверженность “невозможной политике”.

7. В странах с более высокой партийной дисциплиной (континентальная Европа) они прямо пытаются перехватить электорат традиционных партий, в конкуренции называя себя истинно левыми или истинно правыми партиями. В странах с более низкой партийной дисциплиной (США, отчасти Великобритания) применяется тактика захвата партийных структур изнутри, в ходе которой оказывается давление на существующие партии с целью переключения их повестки дня или с целью захвата руководства.

8. Альтернативные политические движения встречают жесткое стигматизирование и подавление со стороны “мейнстрима”. Условно правых обычно “давят” по соображениям политкорректности, условно левых – на основании опровержения “неграмотности” и катастрофических экономических последствий их предложений. К наиболее перспективным с точки зрения электоральной поддержки партиям, движениям (“Национальный фронт”) и фигурам (Д. Трамп), опирающимся на гибридную повестку, которую нельзя исключительно причислить ни к правой, ни к левой, применяются одновременно два сдерживающих контура, но эта тактика менее успешна. В целом “мейнстрим” делает ставку на формирование представлений о голосовании за них как о социально неодобряемом поведении. Как показали *Brexit* в Великобритании и победа Д. Трампа в США, эта тактика уже слабо работает.

9. Политический прорыв “альтернативных” сил в 2016 г. в Великобритании, США и Италии приведет к перегруппировке внутри “мейнстрима”. Ему придется лучше осознать себя и своих противников, а также выработать эффективные меры реагирования на новую ситуацию. Это уже начинает проявляться в виде рефлексии причин событий 2016 г. многими ключевыми политическими мыслителями современности.

10. Внедрение “альтернативной” управленческой практики и экспертизы пока весьма проблематично, так как представителям “альтернативных” партий и движений не удалось практически доказать, что предлагаемые ими рецепты способны привести к стабильному развитию обществ. То есть политические победы “альтернативщиков” не ведут автоматически к победе их представителей в сфере экспертного обеспечения управленческих практик. Тем не менее под влиянием соответствующих успехов “альтернативщиков” неизбежной становится постепенная трансформация практик “мейнстрима” не только в сфере политики, но и в связанных с ней сферах управления, экспертизы, науки.

Алмонд Г., Верба С. 2014. *Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль. 500 с.

Барт Р. 1996. *Мифологии*. М.: Издательство им. Сабашниковых. 312 с.

Белл Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Академия. 956 с.

Вебер М. 2006. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Российская политическая энциклопедия. 656 с.

Гидденс Э. 2011. *Последствия современности*. М.: Практикс. 352 с.

- Дюверже М. 2000. *Политические партии*. М.: Академический Проект. 538 с.
- Кун Т. 2003. *Структура научных революций*. М.: АСТ. 605 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков*. – Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2. Т. 3. М.: Политиздат. С. 7-544.
- Маркузе Г. 1994. *Одномерный человек*. М.: REFL-book. 368 с.
- Минченко Е., Корнилов В., Петров К., Пахомов Н. 2016. Аутопсия кампании Хиллари: как победил Трамп. Политтехнологический анализ выборов президента США. – *Минченко консалтинг*. Декабрь. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf (accessed 15.03.2017).
- Митчелл Т. 2014. *Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти*. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС. 408 с.
- Наим М. 2016. *Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе*. М.: АСТ. 512 с.
- Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект-Пресс. 270 с.
- Паршин П. 2015. *Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция*. М.: МГИМО-Университет. 195 с.
- Петров К. 2009. Политический маркетинг на рынке социальных сетей: взлет и падение субкультур. – *Полития*. № 2. С. 177-186.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги (в 2-х томах)*. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». Т. 1. 448 с. Т. 2. 528 с.
- Сергеев В.М. 2013. *Народовластие на службе элит*. М.: МГИМО-Университет. 265 с.
- Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. 1989. Принятие решений: когнитивная модель. – *Формальные и неформальные рассуждения. Труды по искусственному интеллекту. Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту. Вып. 840. С. 139-150.
- Сорос Дж. 1999. *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М. 262 с.
- Стиглиц Дж. 2015. *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. М.: ЭКСМО. 512 с.
- Фуко М. 1977. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М.: Прогресс. 408 с.
- Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem. 480 с.
- Хайек Ф. 2010. *Дорога к рабству*. М.: АСТ, Астрель. 320 с.
- Art D. 2008. The Organizational Origins of the Contemporary Radical Right: The Case of Belgium. – *Comparative Politics*. Vol. 40. No. 4. P. 421-440.
- Bell D. 1973. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books. 507 p.
- Bornschie S. 2010. Germany: A Constricted Ideological Space and the Failure of the Extreme Right. – Bornschie S. *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press. P. 165-198.
- Casadio M.C. 2014. The New Right and Metapolitics in France and Italy. – *Journal for the Study of Radicalism*. Vol. 8. No. 1. P. 45-86. DOI: <https://doi.org/10.14321/jstudradi.8.1.0045>
- Conti N. 2011. The Radical Right in Europe, between Slogans and Voting Behavior. – *Andlise Social*. Vol. XLVI. No. 201. P. 633-652.
- Ezrow L., Hellwig T. 2014. Responding to Voters or Responding to Markets? Political Parties and Public Opinion in an Era of Globalization. – *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. P. 816-827. DOI: <https://doi.org/10.1111/isqu.12129>
- Flamini R. 2013. The UK Independence Party: Euroskeptics Rattle Cameron. – *World Affairs*. Vol. 176. No. 2. P. 35-41.
- Fukuyama F. 1989. The End of History? – *The National Interest*. No. 16. P. 3-18.
- Fukuyama F. 2012. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? – *Foreign Affairs*. Vol. 91. No. 1. P. 53-61.

Hockenok P., Haider J. 1995. Austria's Far Right Wunderkind. – *World Policy Journal*. Vol. 12. No. 3. P. 75-80.

Karitzis A. 2016. The Dilemmas and Potentials of the Left: Learning from Syriza. – *The Politics of the Right: Socialist Register*. Vol. 52. P. 374-382.

Krugman P. 2009. *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. New York: W.W. Norton. 224 p.

Löwy M., Francis S. 2015. The Far Right in France: The Front National in Europe and Perspective. – *The Politics of the Right: Socialist Register*. P. 51-67.

Michael G. 2015. A New American Populist Coalition? The Relationship between the Tea Party and the Far Right. – *The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives*. Ed. by C. de la Torre. Lexington, KY: University Press of Kentucky. P. 265-292.

Ovenden K. 2015. *Syriza: Inside the Labyrinth*. London: Pluto Press. 200 px.

Pardos-Prado S. 2015. How Can Mainstream Parties Prevent Niche Party Success? Center-Right Parties and the Immigration Issue. – *The Journal of Politics*. Vol. 77. No. 2. P. 352-367. DOI: <https://doi.org/10.1086/680040>

Rogoff K. 2003. The IMF Strikes Back. – *Foreign Policy*. No. 134. P. 38-46. DOI: <https://doi.org/10.2307/3183520>

Sakwa R. 2015. Jeremy Corbyn and the Politics of Transcendence. – *Russia in Global Affairs*. 28.12. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Jeremy-Corbyn-and-the-Politics-of-Transcendence-17912> (accessed 20.12.2016).

Stiglitz J. 2010. Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. – *Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited*. BIS Papers. No. 53. P. 4-19. URL: <http://www.bis.org/publ/bppdf/bispap53.pdf> (accessed 24.12.2016).

Stiglitz J., Greenwald B. 2003. *Towards a New Paradigm for Monetary Policy*. London: Cambridge University Press. 327 p.

Toffler A. 1981. *The Third Wave*. New York: Bantam Books. 537 p.

Tóth A., Grajczár I. 2015. The Rise of the Radical Right in Hungary. – *The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democracy*. Budapest: Central European University Press. P. 133-164.

Zaslave A. 2011. *The Re-invention of the European Radical Right: Populism, Regionalism, and the Italian Lega Nord*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 296 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.03.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02)

THE POLICY OF “MAINSTREAM” AND ITS ALTERNATIVES IN THE MODERN WESTERN WORLD: ON THE WAY FROM THE WORLD ECONOMIC CRISIS TO “IMPOSSIBLE POLITICS”?

V.M. Sergejev¹, A.A. Kazantsev¹, K.E. Petrov¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia

SERGEYEV Viktor Mikhailovich, Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Professor, Director of the Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: laris-pulena@rambler.ru; KAZANTSEV Andrei Anatol'evich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Director of the Analytical Center, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: andrey.kazantsev@eui.eu; PETROV Kirill Evgen'evich, researcher, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: orkir@mail.ru

Sergejev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. The Policy of “Mainstream” and Its Alternatives in the Modern Western World: on the Way from the World Economic Crisis to “Impossible Politics?” – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 3. P. 8-29. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Received: 19.01.2017. Accepted: 27.02.2017

Abstract. The article is devoted to the formation and crisis of the “mainstream” – the system of nation-state governance based on the symbiosis of the right and left ideological approaches. Formation of this system has

occurred in the developed countries during the 1990s – early 2000s. Important conditions were as follows: the collapse of the Soviet system, the acceleration of globalization and economic growth, the rise of the middle class and the dominance of economic determinism in the decision making. At present, this governance system is in crisis. The erosion of middle class threatens the stability of its democratic procedures. Traditional voters of the center-left and the center-right are no longer willing to support their parties. The challenges from alternative parties and alternative political movements are becoming stronger. The victory of Donald Trump in the presidential elections in the United States, “Brexit” in the UK, the defeat of Renzi’s center-left government in the constitutional referendum and electoral successes of the “Five Stars” movement in Italy provoke further destruction of the “mainstream” core. The growing number of alternative movements’ supporters is increasingly affecting the traditional parties. The “alternatives” are closely connected with well-known “populism”, but they go beyond it in the direction of destruction of the existing consensus. “Alternatives” appeal to the citizens directly, avoiding “filters” of party structures. They seek the removal of the “political correctness”. The alternative movements have currently found a form that allows them to seriously harm the mainstream. However, they do not have content that is able to replace mainstream management practices. Nevertheless, a simple return to a period of sustainable and competitive party-political systems that existed prior to mainstream formation is also impossible. The deepening political crisis will create new forms of alternative policies with varying degrees of their success. At the end of the article the authors make conclusion about the impact of alternative movements’ rise on the contemporary political process.

Keywords: national state; far right; ultra-left; political parties; democracy; democratic systems; populism; globalization; party systems; criticism of ideology.

References

- Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. (Russ. ed.: Almond G.A., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh*. Moscow: Mysl'. 2014. 500 p.)
- Art D. The Organizational Origins of the Contemporary Radical Right: The Case of Belgium. – *Comparative Politics*. 2008. Vol. 40. No. 4. P. 421-440.
- Barthes R. Mythologies. (Russ. ed.: Barthes R. *Mifologii*. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. 1996. 312 p.)
- Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books. 1973. 507 p.
- Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting. (Russ. ed.: Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya*. Moscow: Akademia. 1999. 956 p.)
- Bornschiefer S. Germany: A Constricted Ideological Space and the Failure of the Extreme Right. – Bornschiefer S. *Cleavage Politics and the Populist Right: The New Cultural Conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple University Press. 2010. P. 165-198.
- Casadio M.C. The New Right and Metapolitics in France and Italy. – *Journal for the Study of Radicalism*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 45-86. DOI: <https://doi.org/10.14321/jstudradi.8.1.0045>
- Conti N. The Radical Right in Europe, between Slogans and Voting Behavior. – *Análise Social*. 2011. Vol. XLVI. No. 201. P. 633-652.
- Duverger M. Les partis politiques. (Russ. ed.: Duverger M. *Politicheskie partii*. Moscow: Akademicheskii Proekt. 2000. 538 p.)
- Ezrow L, Hellwig T. Responding to Voters or Responding to Markets? Political Parties and Public Opinion in an Era of Globalization. – *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 816-827. DOI: <https://doi.org/10.1111/isqu.12129>
- Flamini R. The UK Independence Party: Euroskeptics Rattle Cameron. – *World Affairs*. 2013. Vol. 176. No. 2. P. 35-41.
- Foucault M. Les Mots Et Les Choses. Une Archeologie Des Sciences Humaines. (Russ. ed.: Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. Moscow: Progress. 1977. 408 p.)
- Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. (Russ. ed.: Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my*. Moscow: Ad Marginem. 1999. 480 p.)
- Fukuyama F. The End of History? – *The National Interest*. 1989. No. 16. P. 3-18.
- Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? – *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 53-61.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. (Russ. ed.: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Moscow: Praxis. 2011. 352 p.)
- Hayek F.A. The Road to Serfdom. (Russ. ed.: Hayek F.A. *Doroga k rabstvu*. Moscow: AST, Astrel'. 2010. 320 p.)
- Hockenjos P., Haider J. Austria's Far Right Wunderkind. – *World Policy Journal*. 1995. Vol. 12. No. 3. P. 75-80.
- Karitzis A. The Dilemmas and Potentials of the Left: Learning From Syriza. – *The Politics of the Right: Socialist Register*. 2016. Vol. 52. NYU Press. P. 374-382.

- Krugman P. *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. New York: W.W. Norton. 2009. 224 p.
- Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. (Russ. ed.: Kuhn T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Moscow: AST. 2003. 605 p.)
- Löwy M., Francis S. The Far Right in France: The Front National in Europe and Perspective. — *The Politics of the Right: Socialist Register*. NYU Press. 2015. P. 51-67.
- Marcuse H. *One-Dimensional Man*. (Russ. ed.: Marcuse H. *Odnomernyi chelovek*. Moscow: REFL-book. 1994. 368 p.)
- Marx K., Engels F. *Die deutsche Ideologie*. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya*. Kritika novisei nemetskoj filosofii v litse ee predstavitelei Feierbakh, B. Bauera i Shtirnera i nemetskogo sotsializma v litse ego razlichnykh prorokov. — Marx K., Engels F. *Collected Works. Second edition*. Vol. 3. Moscow: Politizdat. 1955. P. 7-544.)
- Michael G. A New American Populist Coalition? The Relationship between the Tea Party and the Far Right. — *The Promise and Perils of Populism: Global Perspectives*. Ed. by C. de la Torre). Lexington, KY: University Press of Kentucky. 2015. P. 265-292.
- Minchenko E., Kornilov V., Petrov K., Pakhomov N. The Autopsy of the Hillary campaign: how Trump won. Political Technology Analysis of US Presidential Elections. — *Minchenko Consulting*. December 2016. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Autopsiya_itog.pdf (accessed 15.03.2017). (In Russ.)
- Mitchell T.P. *Carbon Democracy*. (Russ. ed.: Mitchell T.P. *Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v epokhu nefii*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo", RANKhiGS. 2014. 408 p.)
- Naim M. The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be. (Russ. ed.: Naim M. *Konets vlasti. Ot zalov zasedanii do polei srazhenii, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravlyat' segodnya nuzhno inache*. Moscow: AST. 2016. 512 p.)
- Ovenden K. *Syriza: Inside the Labyrinth*. London: Pluto Press. 2015. 200 p.
- Pardos-Prado S. How Can Mainstream Parties Prevent Niche Party Success? Center-Right Parties and the Immigration Issue. — *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77. No. 2. P. 352-367. DOI: <https://doi.org/10.1086/680040>
- Parshin P. *Territoriya kak brend: marketingovaya metafora, identichnost' i konkurenciya* [Territory as a Brand: Marketing Metaphor, Identity and Competition]. Moscow: MGIMO-University Publishing. 2015. 195 p. (In Russ.)
- Parsons T. *The System of Modern Societies*. (Russ. ed.: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow: Aspect Press. 1998. 270 p.)
- Petrov K. Political Marketing in the Social Networking Market: The Rise and Fall of Subcultures. — *Politeia*. 2009. No. 2. P. 177-186. (In Russ.)
- Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. Moscow: Phoenix, Mezhdunarodnyi fond "Kul'turnaya initsiativa". 1992. Vol. 1. 448 p. Vol. 2. 528 p.)
- Rogoff K. The IMF Strikes Back. — *Foreign Policy*. 2003. No. 134. P. 38-46. DOI: <https://doi.org/10.2307/3183520>
- Sakwa R. Jeremy Corbyn and the Politics of Transcendence. — *Russia in Global Affairs*. 28.12.2015. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/valday/Jeremy-Corbyn-and-the-Politics-of-Transcendence-17912> (accessed 20.12.2016).
- Sergeev V.M. *Narodovlastie na sluzhbe elit* [Democracy in the Service of the Elites]. Moscow: MGIMO-University Publishing. 2013. 265 p. (In Russ.)
- Sergeev V.M., Tsymburskii V.L. Prinyatie reshenii: kognitivnaya model' [Decision Making: The Cognitive Model]. — *Formal'nye i neformal'nye rassuzhdeniya. Trudy po iskusstvennomu intellektu. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Formal and Informal Reasoning. Works on Artificial Intelligence. Scientific Notes of the Tartu State University]. Tartu. 1989. Issue 840. P. 139-150. (In Russ.)
- Soros G. *The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered*. (Russ. ed.: Soros G. *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti*. Moscow: INFRA-M. 1999. 262 p.)
- Stiglitz J. Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. — *Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited*. BIS Papers. 2010. No. 53. P. 4-19. URL: <http://www.bis.org/publ/bppdf/bispap53.pdf> (accessed 24.12.2016).
- Stiglitz J., Greenwald B. *Towards a New Paradigm for Monetary Policy*. London: Cambridge University Press. 2003. 327 p.
- Stiglitz J.E. The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future. (Russ. ed.: Stiglitz J.E. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu*. Moscow: EKSMO. 2015. 512 p.)
- Toffler A. *The Third Wave*. New York: Bantam Books. 1981. 537 p.
- Tóth A., Grajczár I. The Rise of the Radical Right in Hungary. — *The Hungarian Patient: Social Opposition to an Illiberal Democracy*. Budapest: Central European University Press. 2015. P. 133-164.
- Weber M. *Die protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus*. (Russ. ed.: Weber M. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 2006. 656 p.)
- Zaslave A. *The Re-invention of the European Radical Right: Populism, Regionalism, and the Italian Lega Nord*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2011. 296 p.